

Проект ¹ посвящается:

*Марку Эндрю Костелло
и Сьюзен Джейн Перкинс
и Эми Элизабет Уоллес*

---

¹ Первый вариант романа «Метла системы» был дипломной работой, которую Дэвид Фостер Уоллес написал, учась в Амхёрстском колледже. (Здесь и далее примечания переводчика.)

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит за помощь нижеперечисленных:

Роберт Босуэлл

Джеральд Говард

Уильям Кенник

Бонни Нагел

Эндрю Паркер

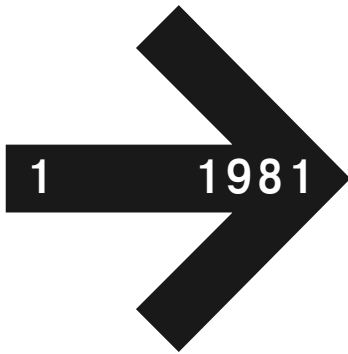
Дэйл Петерсон

Попечительский совет Амхёрстского колледжа

ЧАСТЬ 1

Обычно у реально ободенных девчонок ободенно страшные ступни, вот и у Минди Металман такие, замечает Линор ни с того ни с сего. Длинные, тонкие, кривопалые, с желтыми пуговичками мозолей на мизинцах и толстым мозолистым уступом над пяткой, и длинные черные волосины выются на подъемах стоп, и красный лак на ногтях трескается, кудряво шелушится и расслаивается от старости. Линор замечает это лишь потому, что Минди на стуле у холодильника наклонилась и отковыривает лак с ногтей; халат чуть распахнут, видна ложбинка и остальное, куда больше, чем у Линор, и толстое белое полотенце, которым Минди обернула мокрую, вымытую шампунем голову, развернулось, и прядка темных блестящих волос выскользнула из расселины в складках, и застенчиво курчавится вдоль щеки, и свисает ниже подбородка. В комнате пахнет вроде как шампунем «Флекс», и еще травкой, потому что Клариса и Сью Шо курят большое толстое шмалево, которое Линор купила у Эда Сливкера в школе Шейкер-Хайтс и приволокла со всякой всячиной сюда, Кларисе, в этот самый колледж.

Происходит вот что: Линор Бидсман, пятнадцати лет, только что явилась аж из дома в Шейкер-Хайтс, штат

Огайо, подле Кливленда, навестить старшую сестру, Кларису Бидсман, первокурсницу женского колледжа Маунт-Холиоук; и Линор со своим спальником остается в этой самой комнате на втором этаже Галдеж-Холла, которую Клариса делит с соседками Минди Металман и Сью Шо. Еще Линор пришла, чтобы типа глянуть на колледж, ну, чуток. Потому что, хотя ей всего-то пятнадцать, она, предположительно, весьма умна и оттого развита не по годам, и в школе Шейкер-Хайтс ей осталось учиться год с небольшим, и она уже думает, в какой бы колледж поступать в следующем году. То есть она в гостях. Прямо сейчас — вечер пятницы, март месяц.

Сью Шо, даже близко не такая обалденная, как Минди и Клариса, несет косяк Минди и Линор, и Минди берет его, на секунду оставив палец ноги в покое, и реально всасывает шмалево, и шмалево раскаляется, и громко лопается семечко, и кусочки пепла летают и дрейфуют, что кажется Кларисе и Сью зверски смешным, и они реально хохочут, улюлюкают и хватаются друг за дружку, и Минди вдыхает реально глубоко, и задерживает дым, и передает шмалево Линор, но Линор говорит, нет, спасибо.

— Нет, спасибо,— говорит Линор.

— Давай, сама принесла, чего ты...— квакает Минди Металман, разговаривая так, как разговаривают не дыша, чтобы задержать дым.

— Я знаю, но в школе беговой сезон, а я в команде и во время бегового сезона не курю, не могу, тошнит,— говорит Линор.

Тогда Минди хмыкает, и наконец выдыхает клуб сизого отработанного дыма, и отрывисто, сильно кашляет, и встает с шмалевом в руке, и несет его через комнату Кларисе и Сью Шо, которые сидят у большой деревянной стереоколонки, слушая эту песню, опять, Кэта Стивен-

са¹, в десятый, наверное, раз. Халат Минди более-менее распахнут, и Линор видит кое-что обалденно изумительное, но Минди-то просто идет через комнату. На этом этапе Линор делит всех знакомых девчонок на девчонок, на деле считающих себя обалденными, и девчонок, которые на деле считают, что они реально не такие. Девчонкам, считающим себя обалденными, в общем, плевать на то, что халат распахнулся, и они умеют краситься, и любят ходить, когда кто-то смотрит, и преображаются, завидев парней; а девчонки типа Линор, которые не считают себя обалденными, обычно не красятся, и еще бегают, и носят черные конверсы, и всегда завязывают пояс халата как следует. Минди, конечно, обалденная, ну, кроме ступней.

Песня Кэта Стивенса опять кончается, и игла сама отрывается от винила, и, видимо, всей этой троице лениво вставать и переводить иглу, все расселись на твердых деревянных конторских стульях — Минди в выцветшем розовом махровом халате, высунув лоснящуюся гладкую ногу, совсем голую; Клариса в дезертах, темно-синих джинсах, которые Линор называет «обувные ложки», и белой ковбойской рубашке, той самой, в которой была на ярмарке штата, когда у нее сперли кошелек, и белые кудри стекают по рубашке, и голубые глаза такие голубые; Сью Шо, рыжая, в зеленом свитере, в юбке из зеленой шотландки, с толстыми белыми ногами, с ярко-красным прыщиком аккурат над коленом, ноги одна на другой, дрыгает ступней в мокасине с тошнотной белой подошвой — Линор от таких туфель воротит.

Клариса, помолчав чуток, протяжно вздыхает и говорит шепотом:

---

¹ *Кэт Стивенс* (Стивен Деметр Георгиу, род. 1948, с 1978 года Юсуф Ислам) — британский певец.

— Кэт... это... Бог,— с кратким смешком в конце. Ее соседки тоже хихикают.

— Бог? Как Кэт может быть Богом? Кэт *существует*.— Глаза Минди жутко красные.

— Это оскорбительно и совершенно кошунственно,— говорит Сью Шо, глаза выпучены, налились и негодуют.

— *Кошунственно?* — Клариса помирает от смеха, смотрит на Линор.— *Кошунственно*,— говорит она. У нее глаза получше, реально, только необычно светятся, будто она вспомнила анекдот, но рассказывать не собирается.

— Кошмарственно,— говорит Минди.

— Клошарственно.

— Кошакственно.

— Кларккентственно.

— Купорос.

— Купоросеноксхреном.

— Калибан.

— Крошка Пиблс.¹

— Кощей Бессмертный.

— Коммуняка.

— *Кошунственно!*

Они помирают, сгибаются пополам, и Линор смеется тем стремным симпатическим смехом, которым смеешься, когда все вокруг смеются, да так лихо, что ты смеешься тоже. Шум разудалой вечеринки этажом ниже проникает сквозь пол, вибрирует в черных кедах Линор и подлокотниках. Тут Минди, вся обмякшая, соскальзывает с конторского стула и шлёмпает на спальник Линор, на пол, рядом с Кларисиным квазиперсидским ковриком из

---

¹ Персонаж анимационного ситкома «Флинтстоуны» (The Flintstones, 1960—1966) студии «Ханна-Барбера» о жизни людей каменного века.

универмага Маврадяна в Кливленде, и застенчиво прикрывает промежность краешком халата, но Линор все равно не может развидеть, как сиськи Минди колышутся в поношенной розовой вафельной ткани, налившиеся и так далее, даже когда Минди лежит на спине на полу. Линор машинально косится на собственную грудь под фланелевой блузкой.

— Голод,— говорит Сью Шо через минуту.— Зверский, мучительный, неумный, всепоглощающий, неумный голод.

— Всё так,— говорит Минди.

— Мы подождем...— Клариса глядит на часы на тыльной стороне запястья,— один, ровно *один час* прежде, чем съесть ващетоугодно.

— Нет, для нас это, возможно, невозможно.

— Но иначе нельзя. В меньше чем недельной давности комнатных дискуссиях мы недвусмысленно согласились, что не станем жрать, когда припрет вконец, ибо иначе сделаемся жирными и противными, как Минди, где она там, бедная букашечка.

— Пердячья ты ромашка,— говорит Минди рассеянно, она не жирная и это знает, Линор это знает, все они это знают.

— Дама в любых обстоятельствах, ох уж эта Металман,— говорит Клариса. Потом, через минуту: — К слову говоря, ты могла бы, возможно, либо зашить халат, либо одеться, либо перестать валяться в Линориных вещах, я реально не рвусь устраивать тебе гинекологический досмотр, к которому ты нас тут типа склоняешь, о Лесбия Фивейская.

— Бель и берда,— говорит Минди, или, скорее: — Бель и перда,— и встает, вихляясь и ища твердых предметов, и идет к двери, что ведет в ее спальню рядом с ванной. В сентябре, въехав первой, она прибрала к рукам спальню, сообщала Клариса в письме, эта вот еврейско-

плейбойская припевочка из Скарсдейла ¹, и Минди сбрасывает остатки халата, измятые до опупения, бросает мокрые остатки на колени Линор, сидящей на стуле у двери, и выходит из комнаты на длинных ногах, преувеличенно топая. Хлопает дверью.

Минди ушла, а Клариса всё смотрит вслед, и чуток трясет головой, и переводит взгляд на Линор, и улыбается. Этажом ниже смеются и еще танцуют, будто стадо крупного рогатого скота. Линор обожает танцевать.

Сью Шо делает большой шумный глоток воды из большого пластмассового стакана с Джетсонами ², стоящего на ее столе у входной двери.

— К слову говоря, этим утром ты же не наткнулась каким-то чудом на Сплиттстюссер? — говорит она.

— На-а,— говорит Клариса.

— Она была с Проктор.

— И?

— В семь утра? Обе в исподнем, заспанные, глазки масляные, выходят из ее комнаты, вместе? Держась за ручки?

— Хм-м-м.

— Да если б мне кто сказал, что эта *Сплиттстюссер*...

— Я думала, она помолвлена с парнем.

— Она *ga*.

Обе ржут как кони.

— Оу-у-у.

— Кто такая Сплиттстюссер? — спрашивает Линор.

— Нэнси Сплиттстюссер, обедали вместе? Та девица в красном, с острым декольте и сережками в форме кулачков?

— А. И что с ней?

¹ Город и деревня в округе Уэстчестер штата Нью-Йорк.

² Герои анимационного ситкома «Джетсоны» (The Jetsons, 1962—1963, 1985—1987) студии Hanna Barbera о жизни людей космического века.

Клариса и Сью переглядываются, снова ржут. Возвращается Минди Металман — в шортах и спортивной фуфайке наизнанку, с обрезанными рукавами. Линор глядит на нее и улыбается в пол.

— Что? — Минди сразу чувствует неладное.

— Сплиттстюссер и Проктор, — провозглашает Сью.

— Как раз хотела тебя *спросить*. — Глаза Минди округляются. — Это они были в ванной сегодня утром? Вместе в *душевой*?

— О нет! — Сью вот-вот помрет, Минди ржет тоже, этим стрёмным симпатическим смехом, глядя на остальных.

— Они, э, теперь вместе? Я думала, Нэнси помолвлена.

— Она... и помолвлена, — Клариса пробивает на смех и Линор.

— Божен Исусыч.

Чуть погода все успокаивается. Сью басовито напевает тему из «Сумеречной зоны».

— Кто... падет следующей?..

— Даже не совсем понимаю, о чем вы, девчонки, э... — спрашивает Линор, оглядываясь.

И Клариса рассказывает Линор всю эту бодягу о том, что Пэт Проктор — коблуха, и кто такие коблухи, и что множество девушек обаденно сдруживаются здесь, в женском-то колледже.

— Шутишь.

— Нет.

— Это так ужасно пошло. — И Минди со Сью опять хохочут. Линор на них смотрит. — Слушайте, ну разве вас всякое такое не вымораживает? В смысле, я...

— Слушь, это часть жизни и так далее, то, что люди хотят делать, более-менее их личное... — Клариса ставит иглу на ту же дорожку.

Где-то полпесни все молчат. Минди прилипла к пальцам ног, опять, на двухъярусной койке.